

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Научная статья
УДК 008
doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-210-217

**Советский проект эмансипации женщин:
достижения, проблемы, итоги**

Ольга Александровна Воронина

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт философии РАН». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
olga-voronina777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-2886>

Аннотация. Задача статьи заключается в том, чтобы представить реконструкцию идеи и практики советского опыта «решения женского вопроса». Тема представляется актуальной в связи с ростом интереса к советскому прошлому, с одной стороны, и отсутствием знания об этом у современной молодежи – с другой. Статья основана, во-первых, на общем анализе марксистской концепции эмансипации женщин, которая выступила теоретической базой советского проекта; во-вторых, на описании и реконструкции политических документов и кампаний советского периода; в-третьих, на оценке фактической экономической и социальной политики советского государства, социологических и статистических данных. В качестве методологической базы используется гендерный подход, концепция деконструкции Ж. Деррида, символического капитала П. Бурдьё.

Автор приходит к неоднозначным выводам. С одной стороны, советский проект эмансипации женщин был, безусловно, революционным для своего времени, – как с точки зрения выдвигаемых целей, так и в применяемых методах активной государственной политики. С другой стороны, с самого начала он был отмечен внутренними противоречиями, которые напрямую вытекали из его марксистского понимания – сделать женщин «помощниками пролетариата». Формально расширяя сферу прав женщин, государственная политика никогда не декларировала цель достижения реального гендерного равенства. В результате в СССР возник гибридный тип гендерной системы, объединяющий традиционные и модернизационные нормы и институты. Модернизированные социальные институты по-прежнему базировались на традиционных представлениях о том, что природные биологические различия женщин и мужчин детерминируют их социальное неравенство. Освободив женщин от «власти мужчин», государство фактически и юридически присвоило эту власть себе. Разумеется, такое отчуждение мужских прав на женщину в пользу государства не только не способствует редукции патриархатных принципов социального устройства, но и усиливает их. И, к сожалению, в постсоветской России эти тенденции только возрастают.

Ключевые слова: женщины, дискриминация, советский проект эмансипации, марксизм, патриархатная идеология, гендерное равенство

Для цитирования: Воронина О. А. Советский проект эмансипации женщин: достижения, проблемы, итоги // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 210-217. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-210-217>.

**HISTORICAL ASPECTS
OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES**

Original article

Soviet project for emancipation of women: achievements, problems, results

Olga A. Voronina

Doctor of philosophical sciences, a leading researcher of the Institute of philosophy of the Russian academy of sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12, building 1
olga-voronina777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-2886>

Abstract. The task of the article is to present a reconstruction of the idea and practice of the Soviet experience in «solving the female question». The topic seems relevant in connection with the growing interest in the Soviet past, on the one hand, and the lack of knowledge about this among modern youth – on the other. The article is based, firstly, on a general analysis of the Marxist concept of emancipation of women, which served as the theoretical basis of the Soviet project; secondly, on the description and reconstruction of political documents and campaigns of the Soviet period; thirdly, on the assessment of the real economic and social policies of the Soviet state, sociological and statistical data. As a methodological basis, a gender approach is used, the concept of deconstruction by J. Derrida, the symbolic capital of P. Bourdieu.

The author comes to ambiguous conclusions. On the one hand, the Soviet project for the emancipation of women was certainly revolutionary for its time, both in terms of the goals put forward and in the methods of active state policy used. On the other hand, from the very beginning it was marked by internal contradictions that directly stemmed from its Marxist understanding – to make women «assistants to the proletariat». Formally expanding women's rights, public policy has never declared the goal of achieving real gender equality. As a result, a hybrid type of gender system arose in the USSR, combining traditional and modernization norms and institutions. Modernized social institutions continued to be based on traditional perceptions that the natural biological differences between women and men determined their social inequalities. Having freed women from the «power of men,» the state actually and legally appropriated this power to itself. Of course, this alienation of male rights to women in favor of the state not only contribute to the reduction of patriarchal principles of social structure, but also reinforces them. And, unfortunately, in post-Soviet Russia, these trends are only increasing.

Keywords: women, discrimination, Soviet emancipation project, Marxism, patriarchal ideology, gender equality

For citation: Voronina O. A. Soviet project for emancipation of women: achievements, problems, results. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):210-217. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-210-217>.

Введение

В последние годы в обществе актуализировался интерес к советскому прошлому. Это обусловлено несколькими причинами, и в том числе отсутствием у людей четкого понимания того, в каком обществе мы живем, какова социальная и экономическая программа государства. Фактический отказ от развития социального государства, падение реальных доходов населения, все большее распространение платных услуг в образовании и здравоохранении, проблемы в области пенсионного обеспечения способствуют тому, что часть людей начинает обращать внимание на советское прошлое – «когда все были равны», а государство якобы стояло на страже интересов граждан.

В данной статье я хотела бы остановиться на теме, которая не потеряла своей актуальности и в наше время. Я имею в виду советский опыт формирования гендерной политики, поскольку многое из него эксплицитно присутствует в нашей жизни и сегодня.

Теоретические и методологические основания исследования

В основе моей работы лежит общий анализ марксистской концепции эмансипации женщин, политических документов и кампаний советского периода, фактической экономической и социальной политики советского государства, социологических и статистических данных. В качестве методологической базы используется гендерный

подход, концепция деконструкции Ж. Деррида, символического капитала П. Бурдьё.

Эмансипация женщин по-советски: новации, традиции, достижения

В царской России политические, имущественные, социальные, образовательные, семейные права женщин были существенно ограничены на основе традиций, православной религии, классовой структуры общества. Однако накануне и в ходе буржуазной революции 1917 г. благодаря усилиям демократической части общества и активности российских феминистских организаций начали происходить существенные изменения. Так, например, 20 июня 1917 г. Временное правительство приняло положение о выборах в Учредительное собрание, высший законодательный орган государства, вступившее в силу с 11 сентября 1917 г., в котором было провозглашено всеобщее избирательное право „без различия пола“» [Юкина, 2007].

Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. большевики приступили – среди прочего – к решению «женского вопроса». Можно с уверенностью сказать, что в то время в нашей стране впервые в мире государством был сформулирован *социальный проект эмансипации женщин*. В его основе лежала необходимость решения конкретной социальной задачи в том виде, как она была представлена в работах классиков марксизма. В целом поддерживая эмансипацию женщин, они рассматривали их дискриминацию как частное проявление глобального классового неравен-

ства. И в этом смысле дискриминация, как и всякое неравенство, должна было быть преодолена как результат отмены классового общества и построения социализма. Для достижения конкретных целей была сформирована обширная программа политических, правовых и практических действий, которая корректировалась властями на протяжении всего советского периода.

В целом в политике советского государства в отношении женщин можно выделить несколько этапов.

Первый из них – с 1917 г. до начала 1930-х гг. – был направлен на политическую мобилизацию женщин в целях социалистического строительства на основе «трудовой повинности». При этом «женские массы» оценивались как «отсталый элемент», которым партия должна руководить [Цеткин, 1970, с. 48]. Для этой цели в 1918 г. при партийных комитетах были созданы женотделы, основной задачей которых было распространение партийного влияния на женщин. Все другие женские организации были запрещены. Справедливости ради надо отметить, что женсоветы проводили очень большую культурно-просветительскую работу среди женщин – обучали их грамоте, способствовали получению профессионального образования, учили основам гигиены при уходе за детьми, организовывали общественные ясли и детсады.

Однако политическая и экономическая мобилизация женщин была невозможна без изменения дореволюционных юридических норм, в соответствии с которыми женщины находились в сильной зависимости от мужчин – отцов или мужей. В связи с этим в 1918 г. в Конституции РФ был в самом общем виде провозглашен принцип равенства женщин и мужчин, согласно которому «равны в свободе от эксплуатации граждане обо-его пола» [Гендерная экспертиза ... , 2001, с. 19]. В последующие годы в ряде документов было провозглашено равенство прав женщин с мужчинами во всех сферах жизни, которое, правда, нередко носило формальный характер. При этом по «неписанным законам» мужчины всегда занимали высшие руководящие политические и административные должности.

Одним из факторов, препятствовавших массовому вовлечению женщин в общественное производство, по марксистской теории, было закабаление женщин в сфере семьи. Еще Энгельс описывал коммунистическую систему обобществления быта, то есть перенесение всех хозяйственно-бытовых (и даже воспитательных) функций

семьи в общественные институты, распад индивидуальной семьи и свободный выбор партнеров для любви. Большевики попытались воплотить эти идеи в жизнь, подвергнув радикальной революционной модернизации брачно-семейные отношения. Здесь в самом буквальном смысле в одночасье были отброшены культурные традиции и проведены инновационные правовые реформы: отменен церковный и легализован гражданский брак; облегчены процедуры его заключения и расторжения; проведены меры по либерализации репродуктивных прав; дети, рожденные вне брака, были уравнианы в правах с детьми, рожденными в официальном браке. Замужние женщины получили прежде отсутствовавшее у них право на свободу передвижения и не обязаны были жить с мужьями и всюду следовать за ними. Одна из английских исследовательниц оценивает раннее советское законодательство как «поистине революционное для своего времени» [Buckley, 1985, p. 34].

В 20-е гг. XX в. идеи «коллективизации быта», дополненные идеями Тэйлора о «научной организации труда», активно проповедовались активистами Пролеткульта (пролетарской культуры, которая отвергала все буржуазное). Один из активистов Пролеткульта А. Гастев с восторгом описывал тэйлоризированного пролетария, лишённого личных интересов и воли, растворившегося в массе рабочих единиц с номерами вместо имен, чья интимная жизнь контролируется государством [Эндерлайн, 2003, с. 279]. Эти идеи находили поддержку в реальных политических документах того времени – так, в одном из декретов местного Совета народных депутатов (1918 г.) провозглашалось, что «по достижении 18 лет незамужняя женщина объявляется государственной собственностью. ... Она обязана встать на учет в “Отделе свободной любви” при комиссариате общественных дел. После записи она выбирает себе мужа-товарища среди мужчин от 19 до 50 лет. ... Желающие имеют право на выбор один раз в месяц. ... В государственных интересах мужчины от 19 до 50 лет имеют право на выбор всякой женщины, стоящей на учете в Отделе; согласие с ее стороны необязательно (выделено мною. – О. В.). Дети, рожденные вследствие таких союзов, будут считаться *собственностью* республики» [Эндерлайн, 2003, с. 280]. Якобы разрушая традиции и предлагая новые формы отношений, авторы этого декрета, по существу, воспроизводят патриархат в довольно жесткой форме. И сколь бы странным ни

казался нам этот документ, он очень верно отражает глубинную сущность происходящих перемен: в 20-30-е гг. женщины и дети перестают быть собственностью мужа и переподчиняются тоталитарному государству. Кстати, как и мужчины: государство также регулирует их личную и интимную жизнь, оно же мобилизует их в военную или трудовую армию, отправляет в ГУЛАГ.

Доктрина свободной любви поддерживалась и на официальном уровне. Так, народный комиссар здравоохранения и председатель Всероссийского Женсовета А. Коллонтай в своих многочисленных книгах, романах и статьях отвергала старые нормы сексуальной морали. И делала она это отнюдь не из соображений эмансипации женщин, а руководствуясь исключительно «фундаментальными задачами рабочего класса» [Коллонтай, 1919, с. 32], потому что «обычная» любовь «изолирует влюбленную пару от коллектива» [Коллонтай, 1923, с. 15]. Она провозглашала новые ценности: «трудовой коллектив постепенно поглотит и растворит в себе прежнюю буржуазную семью» [Коллонтай, 1923, с. 191], а женщина в коммунистическом обществе перестанет зависеть от своего мужа и сможет обеспечивать себя не за счет мужа, а за счет своих способностей. Более того, «ей больше не надо беспокоиться о своих детях. За них отвечает государство рабочих» [Коллонтай, 1972, с. 45], поэтому, считала А. Коллонтай, нужно дать «дорогу крылатому Эросу!». В одном из своих литературных произведений Коллонтай описывает свободную любовь эмансипированных женщин революционной эпохи, которых она называет, между прочим, «пчелами трудовыми». Идеология сексуальных связей, освобожденных от этических норм, взаимной привязанности и обоюдных обязанностей, в том числе и в отношении будущих детей, когда вступить в интимные отношения якобы так же просто, как «выпить стакан воды», на мой взгляд, дезертизирует эти отношения и, лишая их индивидуальности, превращает людей в «половые винтики», также лишённые индивидуальности. Предполагалось, что гендерные различия тоже должны исчезнуть: как утверждала А. Коллонтай, «место замкнутой и эгоистичной семейной ячейки скоро займет одна большая семья трудящихся всей земли, в которой *все мужчины и женщины будут прежде всего братьями и товарищами* (выделено мной. – О. В.)» [Коллонтай, 1918, с. 24]. Иными словами, противоречие между общественной и частной сферами решались посредством поглощения семьи произ-

водством. Соответственно этому «решалась» проблема неравенства женщин – их фактически стали приравнивать к мужчинам-работникам. Причем нормой в данной ситуации выступает вовсе не мужчина, также лишенный своей традиционной маскулинности, а *работник*, то есть производственная единица.

Для *второго этапа* советского опыта решения женского вопроса – с 1929 г. (запрет женсоветов) до 1956 г. (XX съезд) – характерна полная экономическая мобилизация женщин в целях форсированной индустриализации и коллективизации страны и традиционалистский откат от революционной модернизации брачно-семейных отношений.

Формально Конституция СССР 1936 г. провозгласила, что «женщине предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» (ст. 122), что «женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчиной» (ст. 137). Конституция СССР 1936 г. гарантировала *право* на получение гарантированной работы (ст. 118) и одновременно объявляла труд *обязанностью* в государстве трудящихся (ст. 12). Превращение женщин с начала 30-х гг. в «великую армию труда», в «колоссальный резерв трудовых сил», как их называл Сталин, сама возможность «стоять плечом к плечу со своим мужем, отцом или братом в борьбе за новую жизнь» [«Правда», 8 марта 1936 г.] были объявлены доказательством подлинной эмансипации. (В 1927 г. женщины составляли 27 % работающих в промышленности, а в 1939 их численность среди промышленных рабочих возросла до 41,6 %, при этом в основном женщины выполняли физическую работу [Толкунова, 1967, с. 71-72].)

Индустриализация, осуществляемая экстенсивными методами в разрушенной и в целом все еще крестьянской стране, требовала массы дешевых рабочих рук. Коллективизация и массовое раскулачивание, основанные на искоренении индивидуального крестьянского хозяйства, подрывали экономические основы патриархальной семьи и тем самым вынудили крестьянок идти на заработки в город. В деревне проводилась «политика раскрепощения женщин», освобождения их от тирании отцов и мужей и вовлечения в колхозы. Нередко власть привлекала женщин как эксплуатируемую мужчинами группу к сотрудничеству и борьбе против «кулаков». В официальной пропаганде тех лет, проводимой в деревнях,

мужской образ чаще всего был негативным, представленным в виде «кулака-единоличника», его позитивным антиподом выступал женский образ крестьянки-стахановки [Фицпатрик, 2001, с. 204]. Так, «эмансипированные крестьянки» становились оплотом власти в деревне.

Государство использовало как экономические, так и силовые методы принуждения к труду: «закрепляло» работающих за предприятиями, смена рабочего места по желанию работающего была практически невозможна, 15-минутное опоздание на работу сурово каралось – вплоть до 5 лет лагерей строгого режима [Обратный адрес – ГУЛАГ, 1990, с. 42], заработная плата была минимальной и не всегда обеспечивала прожиточный минимум. В 20-е и 30-е гг. (с небольшим перерывом в период НЭПа), а потом с началом войны до 1948 г. продукты и промышленные товары практически было невозможно купить за деньги, они в основном распределялись по карточкам в соответствии с определенной государством мерой потребления, которая к тому же была ранжирована по «классовому» признаку (по карточке рабочего можно было получить продуктов в полтора раза больше, чем по карточке служащего, и в два раза больше, чем по карточке «иждивенца», к которым относились женщины-домохозяйки, в том числе многодетные матери). В таком виде дарованное женщине «право на труд» явилось не средством обретения экономической независимости и эмансипации, а дополнительным механизмом эксплуатации, добавившим к традиционным семейным обязанностям женщины еще и трудовые. Фактически женщины вовлекались в сферу оплачиваемой занятости на заведомо худших, по сравнению с мужчинами, условиях.

В 1930-е гг. начинается традиционалистский откат от революционной идеологии свободной любви и либерального брачно-семейного законодательства. Усиливается контроль над семьей, материнством и пронаталистская политика; все сильнее критикуется идея семейного воспитания детей, поскольку «дети воспитываются родителями не для себя и не для них самих, а для страны» [Issourova, 2000, р. 30-54], начинается пропаганда общественного воспитания детей с грудничкового возраста. Очевидно, что это было связано с экономической мобилизацией женщин на «стройки социализма». В конце 1930-х гг., и особенно после войны, начинается возврат к некоторым традиционным нормам в отношении брака и семьи. В 1944 г. только зарегистрированный брак

объявляется законным, а свободные фактические браки оказывались *незаконными, как и рожденные в них дети*. Усложняется процедура развода, а сам он оценивается как признак моральной неустойчивости (появилась практика исключения из компартии «за развод»). Иными словами, государство взяло частную жизнь людей под жесткий контроль, одновременно изменив акценты в структуре женских ролей. Если ранее акцентировалась производственная функция женщин, то в послевоенные годы *материнство* объявляется величайшей службой «своему народу и государству». Государство учреждает статус «матери-героини» для женщин, воспитывающих 10 и более рожденных ею самой детей, награждает их медалями, выделяет денежное вознаграждение. Удивительно, но усыновление и воспитание приемных детей не давало прав ни на звание, ни на вознаграждение и почести. Отсутствие звания *«отец-герой»* и соответствующих государственных наград для мужчин придает политический смысл репродуктивной роли женщины и одновременно *символически* исключает из этой сферы мужчину-отца.

Третий период советской гендерной политики начался с хрущевской оттепели 1960-х гг. и продолжался до распада СССР. Происходит некоторая либерализация законодательства, регулирующего сексуальные, брачные и семейные отношения. Программа массового жилищного строительства 1960-х гг., помимо прочего, делала семью более автономной от социального контроля в лице соседей.

В конце 70-х гг. при формальном подтверждении равенства мужчин и женщин в новой Конституции СССР государство стало вводить так называемые «специальные меры по охране труда и здоровья женщин». Это было обусловлено двумя социально-экономическими проблемами: одновременным сокращением и рождаемости, и численности трудоспособного населения. Государство вынуждено акцентировать роль материнства, но не может обойтись без участия женщин в производстве. Женщине предлагается совмещать материнско-семейные роли с работой вне дома, ради заработка. Семья определяется как «основная ячейка» общества *с естественным разделением ролей по признаку пола*. Двойная нагрузка женщин становится сущностной чертой нормативной советской женственности.

В качестве поддержки работающих женщин создается специальное протекционистское трудовое законодательство (запрещающее для них

целый ряд профессий и видов работ). В реальности это провоцировало профессиональную сегрегацию по признаку пола и скорее препятствовало, нежели способствовало достижению гендерного равенства. Следствием профессиональной сегрегации (а иногда и прямой дискриминации в сфере занятости) стала значительная разница в оплате труда женщин и мужчин (в среднем женщины получали на 30 % меньше мужчин) [Сонин, 1977; Женщины в СССР, 1985; Воронина, 1988]. Иными словами, фактическое равенство между женщинами и мужчинами не было достигнуто, несмотря на конституционное положение о предоставлении равных прав и возможностей женщинам и мужчинам.

Отчуждение женщин от сферы политики и власти не было преодолено. Правда, это отчуждение маскировалось негласными квотами на избрание женщин в фиктивный орган государственной власти, лишь формально утверждавший решения, подготовленные ЦК КПСС. Я имею в виду Верховный Совет СССР, в котором начиная с 60-х гг. и вплоть до выборов 1989 г. женщины-депутаты составляли в среднем около трети [Женщины в СССР, 1985, с. 7]. Столь значительная квота могла бы сыграть важную роль в продвижении интересов женщин, однако проблема заключалась в том, что женщины-депутаты присутствовали в структурах власти отнюдь не как выразители интересов женского населения страны, а как «подтверждение» идеологического мифа о представительстве всех групп и слоев населения. Таким образом, при всей реальности физического присутствия женщин в Верховном Совете СССР, их властные полномочия оставались чисто номинальными. Впрочем, как и полномочия основной части мужчин-депутатов. Иначе говоря, в полном соответствии с идеологическими установками В. И. Ленина компартия контролировала процесс политической активности женщин вплоть до распада СССР и отмены КПСС. Даже возникшие во времена перестройки 240 тысяч женсоветов, созданные по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, работали в «интересах коммунистического созидания» и «под руководством КПСС» [Положение о советах женщин, 1987, с. 1]. Этому несколько противоречила его идея «...в полной мере вернуть женщине ее истинно женское предназначение» [Горбачев, 1987, с. 117]. После такого заявления СМИ и научная публицистика стали активно пропагандировать идею «возвращения женщины в семью».

И такой поворот не был совсем уж неожиданным. Дело в том, что любое государство использует для достижения своих целей не только прямые методы управления (насилие и принуждение, создание институтов контроля и т. д.), но и формирует специфическую символическую политику для воздействия на общественное сознание в нужном направлении, навязывая массе нужные власти смыслы прошлого, настоящего и будущего [Бурдые, 1993]. Не стало исключением и советское государство. Насильственной трансформации во имя политических целей подвергались и культурные ценности, причем процесс этот не был прямолинейным. Иногда старые ценности отвергались, но нередко власти использовали традиционные культурные символы, встраивая их в новый контекст. Советская власть на всем протяжении своего существования скрыто или явно (в зависимости от политического момента) опиралась на русскую матрифокальную традицию [Воронина, 2018]. Символы дочерей революции, Родины-матери, нуждающейся в защите, материнства – святого долга женщин постоянно присутствовали в культурном и политическом дискурсе.

Так что ренессанс традиционной патриархальной идеологии семейного предназначения женщин, которому активно способствовали в позднесоветские годы ученые, политики и СМИ, прикрываясь идеями обновления общества, необходимости осознания сложности и тяжести положения женщин, не удивителен. Тем более, что эти идеи поддерживались и государственными властями. Ведущие социологи тех лет декларировали, что «самой важной для судеб страны и социализма формой творческого труда женщин является труд материнский» [Харчев, 1986, с. 33], что быть женщиной – это значит рожать и воспитывать детей, вести домашнее хозяйство [Антонов, 1989, с. 180].

Квинтэссенция этого подхода сформулирована одним из идеологов того времени: «Нет проблемы ... отцов и детей, а есть только проблема отцов, нет в семье проблемы мужей и жен, а есть прежде всего проблема мужчины. Все здесь стягивается к главному звену, а именно – к отцу, мужчине. Без уважения к отцу не будет послушания перед командиром, почтения перед начальником...» [Ращ, 1989]. Так, символично закончился советский период. Начав с революционного проекта эмансипации женщин, страна через 70 лет вернулась к апологии патриархата.

Заключение

Советский проект эмансипации женщин был революционным для своего времени – с точки зрения как выдвигаемых целей, так и применяемых методов активной государственной политики. Однако с самого начала он был отмечен внутренними противоречиями, которые напрямую вытекали из его марксистского понимания – сделать женщин «помощниками пролетариата». Формально расширяя сферу прав женщин, государственная политика никогда не декларировала цель достижения реального гендерного равенства. Разрушение государством жесткой экономической и правовой зависимости женщин от власти мужчин (отцов и мужей) способствовало переподчинению женщин непосредственно самому государству.

В результате в СССР возник гибридный тип гендерной системы, объединяющий традиционные и модернизационные нормы и институты. Модернизированные социальные институты по-прежнему базировались на традиционных представлениях о том, *природные биологические различия женщин и мужчин детерминируют их социальное неравенство*. Освободив женщин от «власти мужчин», государство фактически и юридически присвоило эту власть себе. Разумеется, такое отчуждение мужских прав на женщину в пользу государства не только не способствует редукации патриархатных принципов социального устройства, но и усиливает их. И к сожалению, в постсоветской России эти тенденции только возрастают.

Библиографический список

1. Антонов А. И. Предел отчуждения // Киносценарии. 1989. № 2. С. 180.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 146-149.
3. Воронина О. А. Женщина в «мужском» обществе // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 82-102.
4. Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 172-178.
5. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. Москва : БЕК, 2001. С. 19.
6. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для страны и всего мира. Москва : Политиздат, 1987. С. 117.
7. Женщины в СССР: цифры и факты. Москва : АПН, 1985. 24 с.

8. Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу. Москва : Молодая гвардия, 1923. 37 с.

9. Коллонтай А. Коммунизм и семья // Коллонтай А. М. Избранные речи и статьи. Москва : Политиздат, 1972. 150 с.

10. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. Москва : ВЦИК РК и КД, 1919. 110 с.

11. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Москва ; Петроград : Коммунист, 1918. 72 с.

12. Коллонтай А. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. Москва ; Прага, 1923. 208 с.

13. Народный праздник (редакционная передовица) // Правда. 1936. 8 марта.

14. Обратный адрес – ГУЛАГ // Родина. 1990. № 4. С. 42.

15. Положение о советах женщин (женсоветах). Москва : Молодая гвардия, 1987. 12 с.

16. Раш К. Всех царств дороже // Правда. 1989. 22 февраля.

17. Сонин М. Я. Социально-экономические проблемы занятости женщин // Изменение положения женщин и семья. Москва : ИСИ АН СССР, 1977. С. 22-39.

18. Толкунова В. Н. Право женщин и его гарантии. Москва : Профиздат, 1967. 197 с.

19. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. Москва : РОССПЭН, 2001. 250 с.

20. Харчев А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 27-39.

21. Цеткин К. Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 5. Москва : Политиздат, 1970. 560 с.

22. Эндерлайн Э. Эрос в русской утопии // Адам и Ева / под ред. Л. Репиной. Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. С. 264-280.

23. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. 539 с.

24. Buckley M. Soviet Interpretations of the Woman Question // Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR / Ed. by B. Holland. London : Forth Estate, 1985. P. 31-44.

25. Issouпова O. From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / ed. S. Ashwin. London : Routledge, 2000. P. 30-54.

Reference list

1. Antonov A. I. Predel otchuzhdenija = Exclusion limit // Kinoscenarii. 1989. № 2. S. 180.
2. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast' = Social space and symbolic power // Thesis. 1993. Vyp. 2. S. 146-149.
3. Voronina O. A. Zhenshhina v «muzhskom» obshchestve = A woman in a «male» society // Sociologicheskie issledovanija. 1988. № 2. S. 82-102.
4. Voronina O. A. Simvolizm zhenstvennosti i mužhestvennosti v russkoj kul'ture = Symbolism of feminini-

ty and masculinity in Russian culture // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 172-178.

5. Gendernaja jekspertiza rossijskogo zakonodatel'stva = Gender analysis of Russian legislation / otv. red. L. N. Zavadskaja. Moskva : BEK, 2001. S. 19.

6. Gorbachev M. S. Perestrojka i novoe myshlenie dlja strany i vsego mira = Restructuring and new thinking for the country and the world. Moskva : Politizdat, 1987. S. 117.

7. Zhenshhiny v SSSR: cifry i fakty = Women in the USSR: figures and facts. Moskva : APN, 1985. 24 s.

8. Kollontaj A. Dorogu krylatomu Jerosu = Road to winged Eros. Moskva : Molodaja gvardija, 1923. 37 s.

9. Kollontaj A. Kommunizm i sem'ja = Communism and the Family // Kollontaj A. M. Izbrannye rechi i stat'i. Moskva : Politizdat, 1972. 150 s.

10. Kollontaj A. Novaja moral' i rabochij klass = New morality and working class. Moskva : VCIK RK i KD, 1919. 110 s.

11. Kollontaj A. Sem'ja i kommunističeskoe gosudarstvo = Family and communist state. Moskva ; Petrograd : Kommunist, 1918. 72 s.

12. Kollontaj A. Trud zhenshhiny v jevoljucii narodnogo hozjajstva = Women's work in the evolution of the national economy. Moskva ; Praga, 1923. 208 s.

13. Narodnyj prazdnik (redakcionnaja peredovica) = National Holiday // Pravda. 1936. 8 marta.

14. Obratnyj adres – GULAG = Return address – GULAG // Rodina. 1990. № 4. S. 42.

15. Polozhenie o sovetah zhenshhin (zhensovetah) = Provision on councils of women (women's councils). Moskva : Molodaja gvardija, 1987. 12 s.

16. Rash K. Vseh carstv dorozhe = All kingdoms are more expensive // Pravda. 1989. 22 fevralja.

17. Sonin M. Ja. Social'no-jekonomičeskie problemy zanjatosti zhenshhin = Socio-economic problems of women's employment // Izmenenie polozhenija zhenshhin i sem'ja. Moskva : ISI AN SSSR, 1977. S. 22-39.

18. Tolkunova V. N. Pravo zhenshhin i ego garantii = Women's rights and guarantees. Moskva : Profizdat, 1967. 197 s.

19. Ficpatrik Sh. Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja = Stalin peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: village. Moskva : ROSSPJeN, 2001. 250 s.

20. Harchev A. G. Issledovanija sem'i: na poroge novogo jetapa = Family research: on the verge of a new stage // Sociologičeskie issledovanija. 1986. № 3. S. 27-39.

21. Cetkin K. Vospominanija o V. I. Lenine = Memories of V. I. Lenin. T. 5. Moskva : Politizdat, 1970. 560 s.

22. Jenderlajn Je. Jeros v russkoj utopii = Eros in Russian utopia // Adam i Eva / pod red. L. Repinoj. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2003. S. 264-280.

23. Jukina I. I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti = Russian feminism as a challenge to modernity. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. 539 s.

24. Buckley M. «Soviet Interpretations of the Woman Question» // Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR / Ed. by B. Holland. London : Forth Estate, 1985. R. 31-44.

25. Issoupova O. From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / ed. S. Ashwin. London : Routledge, 2000. P. 30-54.

Статья поступила в редакцию 21.08.2021; одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 21.08.2021; approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.